

Д Ж Е С С И Б О Л Л

**СТОИТ
ТОЛЬКО
ЗАМОЛ-
ЧАТЬ**

Перевод с английского
Светланы Силаковой

издательство **ACT**
Москва

1

Положение Оды Сотацу

История рассказывается в первый раз

В октябре 1977 года Ода Сотацу был молод. Ему шел двадцать девятый год. Он служил в конторе, во внешнеторговой фирме своего дяди. В основном они продавали за границу нитки. А чтобы это делать, еще и скупали нитки. Для Сотацу все в основном сводилось к закупке и продаже ниток. Это ему не особенно нравилось, но он работал и не ворчал. Жил один, у него не было ни девушки, ни домашних животных. Образование у него было среднее, круг знакомых — узкий. Похоже, люди были о нем хорошего мнения. Он любил джаз, у него был свой проигрыватель. Одевался просто и неярко, питался преимущественно дома. Чем равнодушнее он относился к какой-то теме, тем меньше была вероятность, что он ввяжется в спор о ней. Многие люди знали его и жили бок о бок с ним, рядом с ним, — но мало кто мог бы сказать, что понимает, какой он на самом деле. Люди и не подозревали, что на самом деле он не никто. Казалось, он был только своим распорядком дня: тихой неизменной рутинной, работа — сон — работа.

История Оды Сотацу начинается с признания, которое он подписал.

Он стал водиться с парнем, которого звали Какудзо, и девушкой, которую звали Дзито Дзоо. Эти двое были в общем-то оторви да брось, особенно Сато Какудзо. Он влипал во всякие истории или когда-то давно влип в одну. Об этом все знали.

И вот что произошло: Какудзо каким-то образом познакомился с Одой Сотацу и каким-то образом уговорил его подписать признание в совершении преступления, которого тот не совершал.

Странно, что он подписал признание в преступлении, которого не совершал. Верится с трудом. Но он действительно подписал признание. Узнав об этих событиях, собрав материалы, я обнаружил, что у его поступка была причина и вот какая — он поступил так поневоле, потому что заключил пари.

Существовало несколько версий того, как прошел тот вечер. Первая — версия, описанная в газетах. Другая — версия со слов родственников Оды Сотацу. Но была и третья — версия, которой придерживался Сато Какудзо. Эта, последняя версия убедительнее прочих, потому что Какудзо записал происходившее на диктофон и ознакомил с записью меня. Я переслушивал ее много раз и каждый раз слышу на ней что-то, чего не расслышал раньше. Складывается впечатление, что жизнь, реальную жизнь можно изучить по ее симулякрам, ведь факт тот, что реальная жизнь постоянно обманывает нас и откровенничает с нами, причем в этом она последовательна.

Я расскажу вам о событиях того вечера.

Пари

Когда я слушал запись, мне иногда было трудно разобрать фразы. Гремела музыка. Вечер тянулся, собеседники выпивали, тараторили. В общем, обстановка типичная для бара. Кто-то (Дзоо) раз за разом встает из-за стола, уходит, возвращается, громко скрежещет ножками стула по деревянному полу. Минут сорок они ведут бессвязный разговор, а потом добираются до вопроса пари.

Какудзо подводил к нему потихоньку. Говорил гладко, живописал что-то вроде объединяющего их, всех троих, чувства товарищества. Изображал своим поведением, будто им всем обрыдла жизнь. Они с Дзоо, сказал он, кое-что проделывали, пытаясь прогнать это ощущение. В том числе заключали пари — на то, какая карта выпадет, такая у них была собственная игра, у них вдвоем. Сказал, что, когда проигрывал, резал себя ножом. Или Дзоо — себя, если проигрывала она. Сказал, что от этого они перешли к кое-чему другому, стали принуждать друг друга что-нибудь делать, чтобы снова почувствовать себя живыми. Но все

это вращалось вокруг пари: подстроить так, чтобы жизнь повисла на волоске. Не кажется ли Сотацу, что это завлекательно? Не тянет ли его, хоть немножечко, попробовать самому?

Весь вечер они на него наседали, Дзоо и Какудзо, и в конце концов уговорили. Собственно, потому его и выбрали — решили, что он из тех, кого, наверно, удастся уговорить, кого можно уговорить сделать такое. И действительно, так и вышло: они сумели втянуть его в свою игру.

Он и Какудзо заключили пари. Пари состояло в том, что проигравший, кто бы он ни был, подпишет признание. Какудзо принес признание с собой. Положил его на стол. Проигравший подпишет это, а Дзоо отнесет в полицейский участок. Все, что человеку дано перечувствовать за всю жизнь, будет сконцентрировано в единственном мгновении, когда пари состоится в реальности и вся жизнь человека будет зависеть от того, какая выпадет карта. Колоду карт Какудзо тоже принес, она лежала на столе рядом с признанием.

Музыка в баре была громкая. Жизнь у Оды Сотацу была трудная и до сих пор не дала ему того, на что он надеялся. Он питал симпатию и уважение и к Какудзо, и к Дзоо, а они оба только и думали, что о нем — о нем и о том, что он подпишет признание.

Вот чем все обернулось: Ода Сотацу заключил пари с Сато Какудзо. Пари проиграл. Взял авторучку и подписал признание, лежавшее перед ним на столе. Дзоо забрала признание, Какудзо и она ушли из бара. Ода пошел домой, в свою маленькую квартиру. Сомкнул ли он глаза в ту ночь, нам неизвестно.

По словам его квартирной хозяйки, на следующее утро

в доме, где жил Ода Сотацу, всех разбудил энергичный стук в дверь квартиры Оды Сотацу. Он не торопился подойти к двери, и тогда ее выбили. Он не торопился лечь на пол, и тогда его на пол повалили. В наручниках, совершенно измученного, его вывели и препроводили к фургону. Очевидец, с которым я разговаривал, сказал, что он не сопротивлялся, не кричал: “Я невиновен”. Он просто тихо подчинялся. Квартирная хозяйка вспоминает, что он был без куртки.

Дочь квартирной хозяйки Оды

поведала мне:

— Вы ничего не сможете узнать про Оду, если не узнаете, какой он был добрый, не узнаете, что доброта, которая в нем была, которой он сам и был, пронизывала каждую клеточку его тела. Она была не в мыслях, не в решениях. Он просто был добрый и много раз поступал по-людски. Приведу вам пример... я была еще маленькая, но мать... мать мне рассказывала, что, когда соседка сверху, старуха, а Ода был молодой, года двадцать два-двадцать три, наверно, эта старуха заказала мебель с доставкой. Мебель была слишком широкая — не проходила в двери и застряла в дверях, по вине грузчиков, как-то так. Час был уже поздний. Рабочий день закончился. Утром грузчики должны были вернуться. Но старуха — она же не могла ни войти, ни выйти. Вся разволновалась. Стояла у двери, пытаюсь выглянуть в узкие щелки, которые оставались в проеме. Безудержно говорила что-то, чего только не говорила, но грузчики уже ушли. И так, Ода — что делает Ода? Он идет наверх с фонариком,

усаживается у двери со своей стороны и всю ночь разговаривает со старухой, не отлучается до самого утра. А знаете, она, думаю, даже была ему несимпатична. Просто он был такой. Добрый мальчик. Вообще-то та старуха всем была скорее несимпатична.

От интервьюера

Я пытаюсь поведать вам о трагедии. Я пытаюсь сделать это таким образом, чтобы как можно меньше навредить участникам событий — тем, кто остался жив после этой трагедии, но также был ее движущей силой.

Ода Сотацу подписал признание. Может быть, он нечетко понимал, что делает. А может быть, и понимал. В любом случае, подпись свою поставил. На следующий день, в субботу, пятнадцатого числа, его выволокли из дома и засадили за решетку. Поскольку документ — признание — носил исчерпывающий характер, никаких сомнений в виновности Оды никогда не возникало. Судебный процесс, когда он наконец начался, завершился быстро, а Ода Сотацу, пока процесс длился, едва ли что-то предпринимал — собственно, определенно ничего не предпринимал — в защиту своих интересов. Полиция добивалась — в то время как он находился под стражей в полицейском участке, ожидая суда, и в то время, когда, уже после суда, он находился в камере смертников — развязать ему язык, чтобы он рассказал о своих преступ-

лениях. Он не заговорил. Сделал из своего молчания шатер, спрятался внутри и даже носу не высовывал.

В последующие месяцы Дзоо много раз навещала Оду. С Какудзо он больше никогда не виделся.

Нашу повесть продолжает информация, полученная мной от полицейских, тюремных надзирателей, священнослужителей, журналистов (присутствовавших при событиях в те годы) и родственников Оды. Именно так рассказывается история Оды Сотаци.